ЭДВАРД ВОЙНИЛЛОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ

ФУНДАТАР І МЕЦЭНАТ ПАБУДОВЫ КАСЦЁЛА СВ. СЫМОНА І СВ. АЛЕНЫ, А НАШ СУАЙЧЫННІК ЭДВАРД ВАЙНІЛЛОВІЧ, НЯХАЙ ВЕРНЕЦЦА Ў СВОЙ ХРАМ!

Продолжение, начало в № 7

Судьба, так жестоко преследующая Войнилловича при жизни, не дала ему возможности почить на Савичском кургане рядом с прахом дорогих его сердцу родителей и детей, о чём он всю жизнь мечтал и высказал в своём завещании, не претендуя на пышные похороны, а погребение в простом сосновом гробу.

Свою последнюю волю он выразил словами: **«Прощаюсь с вами, леса, помнящие прошлые поколения. Прощаюсь с вами, поля, облитые потом моих родителей».**

Наследника своих владений призывал, чтобы он шел дорогами, проторенными им и его предками в меру их сил и способностей. А как жили прежние владельцы этой земли, расскажут местные традиции, расскажут добрые люди, прошумят деревья в Савицком парке, напомнит курган, насыпанный на той земле, где прародители ожидали последнего Суда.

К написанию своих воспоминаний Войниллович приступил, как сам пишет, уже в довольно поздние годы жизни – после 70 лет из-за вынужденного безделия во время страшной войны. Свои выводы старался подтвердить документами, которые сумел сохранить в большом количестве. Но, к сожалению, они были уничтожены во время погрома в Савичах 19-21 февраля 1918 г. Вероятно, была уничтожена и часть дневников, которая потом была вновь восстановлена в Быдгощи.

Рукопись состоит из из двух частей: воспоминаний, написанных автором в 1917 г., и дневника, который он вёл, начиная со 2 декабря 1918 г. и до времени тяжелой болезни, приведшей к его кончине. В рукописи 288 пронумерованных стандартных страниц и 364 страницы особого образца (размера), написанных характерным разборчивым почерком. Пояснением к дневнику служат четыре довольно объёмных пакета отзывов, вырезок из газет, систематически

собираемых автором во время проживания в Варшаве и Быдгощи. По всей вероятности, автор придавал им большое значение, так как очень часто ссылался на них в своих воспоминаниях.

Воспоминания Эдварда Войнилловича являются очень ценным историческим материалом, освещающим жизнь губерний после восстания. Приходится сожалеть о том, что, прекрасно зная историю края, автор, наделенный наблюдательностью и исключительным даром повествования, не посвятил описанию среды и того окружения, в котором рос и столько лет трудился, большего количества страниц. Его описания жизни и обычаев общества того времени были бы очень интересными. Но он не сделал этого, так как считал, что политический деятель, каковым он был, должен уделять внимание только делам общественным, а возможно, из-за врожденного благородства, чтобы, описывая личное, не затронуть кого-либо ненароком. Он ограничился только описанием своей общественной и политической деятельности, но страницы, посвященные работе в Думе и Государственном аппарате, характеристике российских государственных деятелей, с которыми встречался, описаны ярко и имеют историческую ценность.

В Быдгощи, где Войниллович провёл свои последние годы жизни, он снискал необыкновенное уважение и признание, являясь патриархом многочисленной осевшей там колонии. Огромное количество венков и провожающих его в последний путь свидетельствуют об уважении и признании заслуг усопшего.

Комитет по увековечиванию памяти Эдварда Войнилловича приступил к изданию воспоминаний, решив в настоящий момент ограничиться изданием 1-го тома, второй том будет издан позднее. Такое решение принято из-за того, что следует впервую очередь осветить деятельность Эдварда Войнилловича в самый период расцвета его творческой деятельности, т.е. его работу на Минщине, и поэтому был взят за конечную дату Рижский Трактат, который оставил всё его отцовское наследие за кордоном и

положил конец его дальнейшей общественной деятельности. Комитет считает, что события после 1921г. слишком свежи и пригодны для публикации после того, когда история выскажет своё суждение.

В пользу такого разделения воспоминаний высказывается и то обстоятельство, что с дня 1 мая 1921 г. состоялось в Варшаве последнее совещание Минского Сельскохозяйственного Товарищества. Прервано было существование заслуженной организации, которую если можно так сказать создал и развил Войниллович, которой он руководил долгие годы.

Для дополнения настоящего издания воспоминаний прилагается несколько документов, которые удалось собрать и которые освещают определенные моменты общественной и политической деятельности покойного. Заслуживает внимания: мемориал в вопросах православного духовенства на Кресах, освещенный с большим знанием дела, особенно резолюция общего собрания членов Минского Товарищества Земельного на заседании в Варшаве 29 апреля 1921 г., которая явилась завещанием заслуженной организации и вынуждена была на основании Рижского Трактата прекратить своё существование.

Издавая настоящие воспоминания, Комитет старался сохранить особенность речи и языка автора с его архаизмами и провинциализмами. Внесены только незначительные поправки для ибежания слишком режущих ухо русицизмов.

«В конце выражаю особую благодарность П. П. Поровскому, Т. Пониквицкому, Р. Скирмунту и К. Здеховскому, которые с большой охотой и готовностью давали мне ценные указания.

12-13 октября 1917 г. исполнилось мне 70 лет. Дневника никогда не писал и поэтому мемуары писать трудно, так как недостаёт хронологических материалов, а ведь память может и исказить былое. Писать буду только о том, о чем хорошо помню, о чём люди в заботах и тревогах сегодняшнего дня уже и забыли, и нет с кем даже поговорить о прошлом – ведь вокруг уже народ молодой, при рассмотрении «status quo» меньше задумываются об уточнении того, что ими лично заработано, а что они получили в наследство от прошлых поколений.

Всё, что мне переболело, всё мной пережитое – Богу приношу в жертву. Было всего этого много, возможно всё это на весах последнего Суда перевесит для моего оправдания, не буду писать об этом. Если и буду описывать что либо личное, то ровно столько, сколько необходимо для характеристики той эпохи, окружающей среды в котором я жил и объяснят именно то мировоззрение, которое присуще пишущему; **буду стараться как можно больше рассказывать и как меньше осуждать, ибо чем дальше суд от действия или случая, тем больше он объективен.** Так пусть время выполнит своё задание.

Родился я 12-13 октября 1847 г. в имении Слепянка под Минском Литовским, собственостью родителей моей матери Эдварда и Михалины из Монюшков Ваньковичей. Мой отец Адам, сын Антония и мать Анна из Ваньковичей. Так как я был ожидаемый первый внук в семье, родители моей матери после родов забрали её к себе, а поскольку я родился в день именин моего деда Эдварда и в связи с этим день моего крещения отмечался очень торжествено, среди большого числа гостей моим крестным отцом был очень популярный в те времена Леон Онгторп *) предводитель губернский, мальтийский командор владелец значительного количества недвижимости: Прилуки, Дукора и др.

Поскольку я упомянул о Слепянке и семье Ваньковичей необходимо дать несколько уточнений. Мой дед Эдвард сын Станислава, член древней и богатой семьи был женат на дочери Монюшки, который в своё время вместе с Оштопом сумел накопить значительное состояние и женившись на дочери Войнилловичей оставил многочисленное потомство, среди которых было много талантливых, филантропов, но к сожалению часто очень нервных и легко возбудимых, а иногда и несколько со странностями**) Ни один из их почти не смог удержаться при имении и огромное монюшковское состояние в очень короткое время стало в основном частью и основой состояния Ваньковичей. Дочерью предков этого Монюшки была моя бабка Михалина, а один из внуков – известнейший музыкант Станислав Монюшко, создатель оперы польской. Михалина Ванькович одарила своего мужа многочисленным потомством: детей было 17, живущих при моей памяти – 13. Была она личностью незаурядной, здравого ума и доброго сердца, была центром вокруг которого группировалась вся семья, к ней обращались в трудные моменты за советом и помощью. До глубокой старости интересовалась общественной жизнью не только на родине но и во всём мире. Особое внимание и любовь к природе было её увлечение, которое она сумела передать и своим детям, один из сыновей Иван прославился как ученый **энтомолог.**

В один морозный декабрьский день, в огромной зимней карете, пылящейся в каретной, которую трудно было даже с места тронуть, мои родители отвезли меня в имение Савичи, что на Случчине в 18 милях от места моего рождения. Условия путешествия в Савичи отразились на состоянии моего здоровья: сразу заболел скарлатиной и только благодаря стараниям родителей я вышел победителем из болезни.

Возможно я был утешением в их жизни, но я сам в жизни не спознал утешения – такова была воля Божья *).

Ксёндз Владислав Завальнюк

Продолжение следует